

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 35(51)
2014

СОДЕРЖАНИЕ

**ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ–ЗАПАД
В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА**

Татьяна Пархалина

**ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ**

Ирина Звягельская

**РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2014 г.**

Андрей Суздальцев

**КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ – НОВЫЙ ПОВОД
ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОБОРОНЫ**

Александр Ревский

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ–ЗАПАД В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Татьяна Пархалина,

заместитель директора ИНИОН РАН,

президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества

С самого начала развития кризиса в Украине и вокруг нее стало ясно, что он выходит за рамки регионального и затрагивает основы международной и тем более евро-атлантической систем безопасности. На поверхность вышли моменты, которые в предшествующие два–три года либо намеренно скрывались, либо недооценивались как политиками, так и экспертами. Среди них следующие:

1. Россия и Евро-Атлантика (несмотря на официальные декларации, которые без сомнения продемонстрировали определенный вектор движения) не существовали в парадигме партнерства. Более того, РФ и США до сих пор действуют в парадигме холодной войны; их повестка дня – это проблематика разоружения плюс борьба с терроризмом.

2. В течение последнего десятилетия наблюдалась жесткая геополитическая конкуренция на постсоветском пространстве. Во второй раз после распада СССР Россия вышла из территориального статуса-кво, обусловленного распадом бывшего Советского Союза.

3. Было бы большой ошибкой редуцировать украинский кризис к дилемме – «с кем эта страна должна быть – с Европой или с Россией». Украина не имеет альтернативы партнерским отношениям с обоими игроками (ЕС и Россия), которые просто обязаны сотрудничать, а не соперничать в Украине.

4. События в Украине продемонстрировали глубокий кризис элит в этой стране. Запад и Россия вовремя не увидели (а если и увидели, то не захотели обратить на это должного внимания) всплеск агрессивного национализма в Украине.

5. События вокруг Украины драматически изменили ситуацию внутри самой Российской Федерации. Уровень взаимной нетерпимости между так называемым патриотами и так называемыми либералами настолько велик, что привел к серьезным изменениям в массовом сознании.

6. Экономическая ситуация в России (а рецессия началась еще до кризиса), на которую существенно повлияли такие факторы, как цена интеграции Крыма, санкции со стороны Евросоюза, США, Японии и ряда других стран, а также сами российские антисанкции, может иметь следствием скатывание к мобилизационной экономике.

Суммируя можно сказать, что мы наблюдаем самый серьезный кризис всей системы европейской

безопасности после окончания холодной войны, когда Россия и Запад играют по худшим правилам биполярной конфронтации, поддерживая те силы в третьей стране (в данном случае в Украине), которые декларируют приверженность либо Западу, либо России, результатом чего явилась гражданская война в Украине.

В экспертном сообществе даже началась дискуссия по вопросу о том, можно ли характеризовать нынешнее состояние отношений между Россией и Западом как «второе издание» холодной войны. Ряд политиков и исследователей указывают на такие ее признаки, как военно-политическая, экономическая и даже идеологическая конфронтация (имея в виду, что место коммунистической идеологии заняла идеология русского национализма и защита «русского мира» во всех зарубежных странах).

Мнение автора данной статьи сводится к тому, что нынешний период можно оценивать как «холодную войну-лайт», когда в виде фарса повторяется то, что мы наблюдали в 50–80-е годы в виде трагедии. Каковы причины облегченной версии такого явления, как холодная война? Во-первых, Россия уже существенно интегрирована в мировую экономику и ее изоляция попросту невозможна. Во-вторых, импортозамещение предполагает серьезную работу, которая займет определенное время (так, от прекращения военно-технического сотрудничества с Украиной пострадали 78 украинских предприятий и более 800 российских). В-третьих, представители российских элит – от бизнеса до государственных чиновников – по-прежнему обладают собственностью в западных странах, свое здоровье они также предпочитают «поправлять» на Западе. В-четвертых, Россия не имеет союзников, которые поддерживали бы ее политику на юго-востоке Украины: и Казахстан и Белоруссия, несмотря на бравурные заявления представителей российского политического класса, не собираются жертвовать своими интересами во имя поддержки российской позиции. Что же касается нашего великого восточного соседа, то Пекин очень умело разыгрывает российскую карту в своей главной игре с Вашингтоном и уже получил от новой конфронтации России с Западом максимум возможного. В-шестых, наши партнеры по таким объединениям как БРИКС, хотя и проводят автономную от Запада внешнюю политику и периодически

ски формулируют свое недовольство теми правилами игры, которые были определены Западом после распада Советского Союза, тем не менее подчеркивают, что их партнерство строится не на антизападной основе, и также не готовы жертвовать своими в ряде случаев очень тесными экономическими и политическими отношениями с Европой и США (элиты Индии, ЮАР, Бразилии просто-таки встроены в евро-атлантическую систему).

Вместе с тем не следует уповать на то, что так называемая «облегченная» версия холодной войны не нанесет ущерба экономическим и военно-политическим интересам России, как, впрочем, и некоторым интересам стран Евро-Атлантики. Уэльский саммит Североатлантического альянса (сентябрь 2014 г.) показал, что сдерживание России стало главным направлением деятельности НАТО. В то же время в конце октября 2014 г. в оперативных сводках Альянса сообщалось о возросшей «российской активности» в воздушном пространстве Европы. Речь шла о четырех инцидентах над Арктикой, Атлантикой, Балтийским и Черным морями с участием стратегических бомбардировщиков, самолетов-заправщиков и других боевых машин РФ. И хотя все полеты осуществлялись над нейтральными водами и в открытом для всех международном воздушном пространстве, в НАТО утверждают, что рассматривают эту российскую активность как провокацию более серьезную, чем во времена холодной войны. При этом сам Альянс в соответствии с утвержденной в Уэльсе директивой (Readiness Action Plan) задействовал в воздухе близ российских границ в несколько раз больше самолетов, чем в 2013 г. Таким образом, каждая сторона испытывает оборону друг друга, реализуя концепцию сдерживания, как это было в худшие времена холодной войны.

Во время своего выступления в Фонде Дж. Маршалла в Брюсселе 28 октября 2014 г. новый Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг отметил, что «только сильный Североатлантический альянс может выстраивать действительно конструктивные и кооперативные отношения с Россией... НАТО не стремится к конфронтации с Россией. Никто не хочет новой холодной войны через 25 лет после падения Берлинской стены. Но мы не можем себе позволить компромисса в отношении принципов, на которых базируется Альянс и безопасность Европы и Северной Америки»¹. Российские лидеры – и президент, и премьер-министр, и министр иностранных дел также неоднократно подчеркивали, что конфронтация с Западом – это не наш выбор», что Россия не желает ни новой холодной войны, ни новой гонки вооружений, ни санкционной войны, но «русский медведь никому своей тайги не отдаст»².

Таким образом, обе стороны не готовы признать собственную ответственность за развитие кризиса. Запад стремится обнулить все, что было до Крымского референдума и включения полуострова в состав РФ, а Россия уже ни при каких условиях не отдаст Крым. Руководители и России, и Запада избегают определения кризиса как новой холодной войны, но при этом логика их действий неизбежно ведет обе стороны к противостоянию, сравнимому с периодом 70–80-х годов XX в.

Не вызывает сомнения, что сам украинский кризис явился результатом драматического отсутствия доверия между Россией и Западом, обусловленного не только различными типами политической и стратегической культуры, но и тем, что Россию не хотели слышать на протяжении более чем 20 лет, уповая видимо на то, что рано или поздно РФ станет такой же, как большинство стран Запада (среди примеров следует упомянуть ДОВСЕ, Косово, отношение к ДЕБ, ПРО, Ирак, Ливию, Сирию, наконец, Украину на тот момент, когда предложение о рассмотрении соглашения об ассоциации в трехстороннем формате было отклонено). Поддержка же Россией лимитрофных образований в виде ЛНР и ДНР – как средства давления на Украину – исключает в обозримом будущем нормализацию отношений между Россией и Западом и вынуждает задуматься о механизмах урегулирования в рамках конфронтационной модели.

Кризис в Украине и вокруг нее далек от завершения. Но уже сейчас можно сделать некоторые выводы:

– информационная война, ведущаяся тремя сторонами – Украиной, Россией, Западом – настолько разнуданна, отвратительна и зачастую лжива, что приводит к изменению смыслов и к таким трансформациям в массовом сознании, что международное сообщество уже сейчас должно задуматься о разработке своеобразного «кодекса поведения» в освещении конфликтных ситуаций;

– Россия не может быть исключена из дискуссии о судьбах постсоветского пространства; Россия, Европа и США должны сотрудничать, а не соперничать в этом регионе;

– очевидно, что та евро-атлантическая система безопасности, которая явилась результатом окончания первой версии холодной войны и в которую Россия так и не была окончательно интегрирована, не сможет более существовать на прежних основах – ни институционально, ни по существу, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция движения (как Запада, так и России) к модели **взаимного сдерживания**, а это огромный вызов как для самих главных игроков (России и Евро-Атлантики), так и для их партнеров, которые не готовы одобрить ни российскую, ни западную позиции;

– в этой ситуации возрастает ответственность экспертного сообщества как в России, так и на Западе, которое должно быть озабочено не выполнением функций «эскортного» (по хлесткому выражению профессора Михайленко В.И.) сообщества при политических элитах, но переосмыслением ро-

¹ NATO: a unique Alliance with a clear? – Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at Me German Marshall Fund. Brussels. October 28, 2014.

² Выступление президента В. Путина на Валдайском форуме 25 сентября 2014 г.

ли и места своих стран с учетом меняющегося миропорядка, механизмов взаимодействия во время кризисов, мер по предотвращению кризисов.

Отвечая на второй экзистенциальный вопрос «что делать» (а первый – это «кто виноват»), следует констатировать, что в нынешней кризисной ситуации возрастает роль ОБСЕ. Если выход из кризиса между Россией и Западом (вокруг Югославии) был найден на площадке НАТО, выход из кризиса 2009 г. (из-за Грузии) – на площадке Евросоюза, то выход из нынешнего кризиса просматривается через ОБСЕ. История как бы предлагает обеим сторонам повод – 40-летие подписания Хельсинкского Заключительного Акта (август 1975 г.). Хельсинки-2 может предоставить площадку, которая позволяет без потери лица как для России, так и для Запада выйти из сложной ситуации – от мониторинга и разведения войск перейти к мирному процессу. И Россия, и Украина, и страны Евро-Атлантики, являясь полноправными членами ОБСЕ, могли бы провести обсуждение причин возникновения кризиса, а ОБСЕ как организация могла бы обсудить механизмы кризисного урегулирования, которого как оказалось нет в Европе, начать переговоры по стабилизации границ, открыть дискуссию, связанную с новой архитектурой безопасности в Европе.

Да, пока явно отсутствует политическая воля со всех сторон, пока все игроки рассматривают возможность урегулирования не на основе компромисса (который предполагает частичный отказ от своих позиций), а на своих условиях. Но необходимо осознание

того, что либо мы превращаем этот конфликт в наш европейский Ближний Восток, где в течение почти 50 лет льется кровь, либо мы должны садиться за стол переговоров и договариваться о принципах мирного урегулирования, которые могли бы предполагать при сохранении территориальной целостности Украины максимальное расширение прав юго-восточных регионов, внимание к культурно-историческим особенностям этнических групп населения, возможность для них распоряжаться собственными ресурсами, доступ к механизмам управления в рамках центральной власти. Тот факт, что Киев в середине ноября 2014 г. объявил о так называемой финансово-экономической блокаде тех регионов Донецкой и Луганской областей, которые составляют ДНР и ЛНР, свидетельствует о фактическом признании Киевом независимости двух республик. (В этой связи хотелось бы напомнить, что даже в самые острые моменты кризиса, связанного с Чечней, Москва никогда не прекращала финансирование мятежного региона Северного Кавказа.)

Думается, что Киев не имеет альтернативного сценария, который можно было бы предложить как юго-восточным регионам, так и мировому сообществу. В этих условиях ОБСЕ становится единственной международной структурой, которая в случае эскалации конфликта могла бы взять на себя функции не только разведения воюющих сторон, но и выхода на политические договоренности. Однако это возможно только в том случае, если об этом договорятся основные игроки: Украина, Россия, США, Евросоюз.

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Ирина Звягельская,

главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор

Исламское государство как отражение вызовов современности

В настоящее время одной из наиболее серьезных угроз региональной стабильности и вызовом глобальной безопасности стала экстремистская организация Исламское государство (ИГ). Ее формирование и активность являются результатом глубоких системных процессов, характерных для современных международных отношений, и, прежде всего, для Ближнего Востока и Северной Африки, где они были ускорены революционными выступлениями. ИГ возникла на обломках государств, которые под воздействием гражданского противо-

стояния из относительно устойчивых стали быстро превращаться в провальные, где политическая система и силовые структуры лишились всякой связи с обществом, стали вести борьбу за собственное выживание, утратив государственный *raison d'être*.

Процессы, достигшие точки бифуркации в переживших «арабскую весну» государствах, когда казавшаяся стабильной система была неожиданно и быстро обрушена, заставили обратить внимание на базовые противоречия арабских обществ и государств. Среди них главное место занимает кризис национальных государств, т.е. тех, в которых гражданская идентичность превалирует над этнической, конфессиональной, племенной. Понятие «кризис»

здесь не совсем точное, несмотря на взрыв национализмов в арабском мире во второй половине XX в., создающих по классической формуле национальные государства, процесс консолидации обремененных средневековой культурной пестротой обществ так и остался незавершенным. Наряду с модернизированными слоями, которые в силу включенности в современное образование и производство вышли за рамки сословных и этно-конфессиональных перегородок, существовало обширное поле традиционализма, где местные общинные и религиозные идентичности получили новый стимул для развития под влиянием все более обостряющейся социальной несправедливости. Как отмечал Ричард Хаас, американский дипломат и председатель Совета по международным отношениям, «на Ближнем Востоке скорее всего будут существовать наиболее слабые государства, не способные охранять большие части собственной территории, вооруженные и террористические группы, действующие со все большей активностью, а также гражданские войны и межгосударственные столкновения. Конфессиональная и общинная идентичности будут более мощными, чем национальная. Поддерживаемые огромными природными ресурсами, сильные местные игроки будут продолжать вмешиваться во внутренние дела соседних стран»¹.

Нараставшая дестабилизация была также результатом кризиса системы управления, не опирающейся на развитые институты, хотя в наиболее развитых арабских государствах они существовали в рамках гибридной политической системы; блокирования социальных лифтов для молодежи и стремления преобладающей части этой молодежи исключительно к государственной службе, обеспечивающей социальную защищенность и доступ к ресурсам, но где в рамках культуры непотизма места были давно поделены между другими соискателями.

Революционные потрясения и гражданские войны создали благоприятную среду для структуризации ИГ и похожих организаций.

На глобальном уровне изменения в системе международных отношений делают появление ИГ не случайностью, не девиацией, а отражением доминирующего тренда. Характеризуя современные международные отношения, академик А.В. Торкунов писал: «Констатируя размытость параметров современной системы с точки зрения традиционных представлений о глобальном порядке, можно обозначить одну константу, которая становится все более доминирующей. Речь идет о поистине драматической взаимозависимости и взаимообусловленности стран, международных процессов, экономики и политики. Плотность современного мира

превратила его в столь многоаспектную модель, просчитать которую становится все труднее»².

Размытость контуров и правил игры постбиполярной системы международных отношений определяется не только ее асимметричностью, но и выходом на авансцену все большего числа негосударственных игроков.

Новый порядок можно назвать «вестфальская модель плюс» – наряду с суверенными государствами, традиционно составляющими ее основу, все большую роль начали играть военно-политические формирования, организации, выстроенные на идейной, этнической или конфессиональной основе, террористические и националистические группировки. В условиях глобализации они легко пересекают границы, их идейные вдохновители находят приют в самых либеральных странах, переживая тяжелые времена, а затем возвращаются на родину.

Исламский интернационал

ИГ, равно как «Аль-Каида» или Джабхат ан-Нусра и другие джихадистские организации, становятся воплощением своего рода исламистского интернационала. Он не только собирает суннитских радикалов из Ирака, Сирии, Ливана, Ливии и других арабских государств, но и представителей исламских общин из других регионов – Центральной Азии, Европы, России. При этом если подавляющее большинство населения в Центральной Азии составляют мусульмане, и какое-то количество радикальных исламистов среди них всегда найдется, то в Европе, несмотря на мощные иммиграционные потоки, все же мусульмане остаются явным меньшинством. Тем не менее сообщается об участившихся случаях участия граждан европейских государств (в том числе и из новообращенных) в страшных казнях и преследованиях иноверцев или представителей иных этнических групп. Не только мигранты, которые остаются неинтегрированными в местное общество, сохраняют свою культурную самобытность, отгораживаясь от наступающего на традиционные ценности неолиберализма, но и некоторые представители автохтонного населения также присоединяются к ИГ. Очевидно, что их поведение трудно объяснить исключительно политическими или социальными причинами без учета психологии. Можно полагать, что они были по каким-то причинам не удовлетворены обществом и своим местом в нем, пережили некий кризис, и для них участие в новой джихадистской мистерии дает острые ощущения и новые смыслы, которые не получить в бюргерской тиши провинциальных европейских городов. И все же значительное число тех, кто приезжает из Европы, относится к новым неукорененным общинам. Например, в Ирак и Сирию

¹ Richard Haass, The Unraveling. How to Respond to a Disordered World // Foreign Affairs, November-December 2014 // <http://www.foreignaffairs.com/articles/142202/richard-n-haass/the-unraveling>

² КАРТ-БЛАНШ. Ректор МГИМО Анатолий Торкунов о новом миропорядке // Независимая газета, 24.10.14.

из Австрии выехали чеченцы, которые попали туда во время чеченской войны и получили приют.

ИГ активна в социальных сетях, что позволяет осуществлять вербовку через Интернет. В этой связи можно напомнить об утвердившемся во время «арабской весны» представлении о том, что в арабском мире имели место «цветные твиттер-революции», хотя восстания в Тунисе и Египте типологически к ним не относились. Действительно, молодое образованное поколение использовало в целях мобилизации социальные сети, но при этом не меньшую, если не большую роль, играли традиционные способы мобилизации – мечеть, оповещение по телефону, слухи и т.п. Активными пользователями Интернетом в арабском мире являются также джихадисты, чья основная аудитория находится в разных странах, причем эта аудитория современна и для нее социальные сети давно стали привычным средством общения. Интернет на Ближнем Востоке становится все более популярным инструментом, которым пользуются как либеральные зачинатели революций, так и исламистские радикалы, крайне враждебные любым формам западной либерализации.

По данным Интерпола, в Ираке и Сирии воюют более 15 тыс. иностранных граждан из 81 страны мира. Привлекательность ИГ такова, что даже появились понятия «секс-джихад» и «джихад-туризм». В первом случае речь идет о молодых мусульманках, готовых присоединиться к боевикам и скрасить им нелегкие будни, а во втором – о людях, приезжающих на ограниченное время сражаться в рядах ИГ и схожих организаций, чтобы научиться воевать и повысить уровень адреналина¹.

Более значимым фактором, способным объяснить тягу именно к ИГ и похожим организациям, является, судя по всему, поиск новой идеологии с глобальными и понятными ориентирами. Он может породить спрос на наиболее радикальные и экстремистские варианты общественного переустройства. В условиях кризиса общемировых философско-идеологических концепций, всегда возникает спрос на религию как ценность, не подверженную конъюнктуре. ИГ позиционирует себя как организацию, базирующуюся на религиозных ценностях, совмещаемых в исламе с наиболее значимыми для людей принципами справедливости. Она воюет за всемирный халифат, в котором все мусульмане будут жить как братья. Известный специалист по региону В. Наумкин в многочисленных публикациях называет ИГ «проектом государственного строительства». Создание альтернативы расшатанными и не способным выполнять свои функции государствам стало причиной популярности этой организации. В восприятии ее адептов, жаждущих братской любви и справедливости, варварство и жестокость воспринимаются как героизм и принципиальность, мракобесие как откоро-

вание, а военные победы и накопленное богатство как свидетельство особого высшего промысла.

История появления ИГ хорошо известна. Организация сформировалась в 2006 г. на базе иракского филиала «Аль-Каиды». Показательно, что в свое время С. Хусейна американцы обвиняли в связях с этой террористической организацией, но светский диктаторский режим никогда не потерпел бы рядом с собой исламистских соперников. «Аль-Каида» появилась в Ираке после того, как С. Хусейн был свергнут, а управление страной разбалансировано. Однако если Аль-Каида была представлена в основном иностранцами, воспользовавшимися новой ситуацией, чтобы внедриться в Ирак, то ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта – первоначальное название ИГ) состояло уже из местных кадров – благо недовольных новыми властями и американским присутствием в Ираке было более чем достаточно. Свергая С. Хусейна, распуская армию и партию Баас, бывших его главной опорой, маргинализируя и озлобляя суннитскую элиту, правившую в стране, США вместо установления демократии были вынуждены поддержать создание новых органов власти на конфессиональной и этнической основе. Доминировавшие по численности шииты, а также курды заняли основные посты в институтах нового режима. Так с самого начала под стабильность в Ираке была заложена бомба межконфессиональных противоречий. Они существовали всегда, но во времена диктатуры любые вызовы власти жестоко пресекались, а слабый режим такими возможностями не обладал. Гражданское противостояние в Ираке стало своего рода дрожжами, на которых крайне быстро поднялось ИГ. Эволюция от светских националистических подходов к религиозным у представителей суннитской верхушки (военных, партийцев, менеджеров) произошла очень быстро. Более того, имея собственные причины для борьбы и собственную повестку дня, они стали под знамена организации, отвергающей все национальное, включая и ориентирующихся на решение национальных задач исламистов. Сожжение представителями ИГИЛ флагов ХАМАС и обвинения арабских монархий в отступничестве стали ярким тому подтверждением.

ИГИЛ недолго могло восприниматься как инструмент протеста, войны с местным шиитским режимом, – очень скоро на первый план вышли его общемировые амбиции (отсюда и смена названия), глобальная повестка дня, подкрепленная огромными ресурсами и возможностями мобилизации. Из Ирака она продвинулась в Сирию, и ее «триумфальное шествие» в другие арабские государства является лишь вопросом времени. На территории Ирака и частично в Сирии ею были созданы квазигосударственные анклавов, где была налажена жизнь населения, стали выплачиваться зарплаты, заработала налоговая система и система социального обеспечения, была организована торговля нефтью по демпинговым ценам. По некоторым данным, ее охотно покупали в Турции, в Иордании и даже власти в Дамаске и Ба-

¹ <http://www.newsru.com/world/07nov2014/isruise.html>

гдаде (ничего личного – просто бизнес). При этом запредельная жестокость по отношению к иноверам и в целом к тем, кто не с ними, зверства и записанные на видео казни, вовсе не уменьшили числа желающих влиться в ряды ИГ. С самого начала ИГИЛ с особым садизмом расправлялась со своими жертвами. Даже «Аль-Каида» отмежевывалась от тактики своих иракских собратьев¹.

Об источниках финансирования, структуре ИГ, ее численности написано много. Это уже упоминавшаяся нефть, зерно из захваченных зернохранилищ, грабежи, помощь со стороны негосударственных исламских фондов². Параллельно обнаруживаются весьма неожиданные каналы помощи, не связанные с исламистской активностью предоставляющих ее индивидуумов или НКО. Так, существуют опасения, что средства нескольких десятков благотворительных организаций в Великобритании, собиравших гуманитарную помощь для сирийских беженцев и перемещенных лиц, могли попасть в руки боевиков³.

Шииты – сунниты или сунниты – сунниты?

Активность ИГ на Ближнем Востоке заставила скорректировать и многие привычные представления о соотношении конфессиональных и политических сил, о линиях противостояния в регионе. Как известно, в последние годы многие справедливо указывали на обострение традиционного шиитско-суннитского соперничества в регионе. Среди факторов, которые этому способствовали, изменение политического соотношения сил в Ираке между шиитами и суннитами после американского вторжения в 2003 г. Ирак также перестал играть роль главного противовеса Ирану в Заливе. Это повлекло за собой проведение Ираном более активной политики на Ближнем Востоке, включая непосредственное влияние на палестино-израильский конфликт за счет помощи палестинской ХАМАС и ливанской Хизбалле. Стремление Ирана укрепить свои позиции в регионе и в исламском мире вызвало противодействие прежде всего суннитских государств Залива – Саудовской Аравии и Катара, оказывавших большую помощь суннитскому исламистскому лагерю (хотя и разным группировкам, входящим в его состав).

Появление ИГ по-новому высветило линии традиционного противостояния. Прежде всего, очевидно, что главным фактором дестабилизации стал ныне внутрисуннитский раскол. ИГ противостоит умеренно-консервативный тренд, представленный как светскими республиканскими, так и монархиче-

скими арабскими режимами, существующими в контексте особой ближневосточной культуры (исторический нарратив, религиозная традиция, ментальность, особенности самовосприятия, национальные идеи и цели). У них нет планов радикального реформирования региона, напротив, они стремятся к стабильности, которая обеспечит их собственное сохранение. ИГ выступает против интегрирующей регион ближневосточной культуры, фактически объявляя ее нелегитимной и подменяя религиозной мировой концепцией. ИГ непосредственно угрожает арабским суннитским режимам, хотя в Сирии и в Ираке оно борется с алавитами и шиитами соответственно, а также с этническими меньшинствам.

ИГ не щадит и местных суннитов. Например, на западе Ирака оно уничтожило десятки представителей суннитского племени Абу-Нимр, выступившего против джихадистов. Верховный лидер шиитов Ирака великий аятолла Али ас-Систани призвал своих последователей забыть о давней вражде и помочь суннитским племенам в борьбе с джихадистами⁴. Получается, что в лице ИГ сунниты и шииты сталкиваются с общей угрозой. Объективно действия иракской армии или действия армии Сирии (хотя и обескровленной) против радикальной оппозиции и джихадистов способствуют их ослаблению, равно как и участие в коалиции «желающих» Саудовской Аравии, Иордании, Катара, Бахрейна. Заменить регулярные силы специально подготовленными отрядами сирийской умеренной оппозиции удастся еще не скоро.

Надо отметить, что российские политики и специалисты всегда очень скептически относились к попыткам США и других западных стран укрепить умеренную сирийскую оппозицию за счет предоставления ей оружия и помощи, сделав ее противовесом радикалам. (Правительство Б. Асада США таким противовесом никогда не считали, обвиняя режим в том, что своими действиями он сам способствовал радикализации, а затем и институционализации экстремистов.) Однако грань между умеренными и «неумеренными», особенно в условиях гражданской войны, нередко оказывается настолько размытой, что оружие и помощь беспрепятственно перетекают к джихадистам. Тем не менее США не снимают с повестки дня вопрос о смещении Б. Асада, хотя, как представляется, в нынешних условиях его вполне можно было бы отложить.

Можно ли считать ИГ главной современной угрозой безопасности? На этот счет имеются различные точки зрения, и, как известно, многие на Западе предпочитают ставить на первое место украинский кризис. Разумеется, деэскалация кризиса на Украине стала бы важнейшим фактором укрепления стабильности, и именно его обострение обеспечивает скатывание к новой холодной войне.

Однако на самом деле ИГ представляется не менее, а, возможно, и более серьезным вызовом. Его

¹ Jay Seculow. Rise of ISIS. A Threat We Can't Ignore. N.Y.: Howard Books, 2013, A Kindle book, loc.93.

² См., например, Г. Косач. Ислам с голливудским размахом // http://www.gazeta.ru/science/2014/09/24_a_6232837.shtml

³ Британские власти подозревают 86 благотворительных организаций в финансировании терроризма // Коммерсант. 2 ноября 2014.

⁴ http://www.newsru.co.il/mideast/02nov2014/iraq_a201.html

идеологи и лидеры в принципе не договороспособны, и поэтому набор средств реагирования у международного сообщества весьма ограничен. Можно ослабить военный потенциал ИГ, но бороться такими методами с идеологией не удастся. Борьба с Исламским государством – это серьезное и принципиальное противостояние различных культур. Являясь по своей структуре и особенностям функционирования явлением модерна, оно одновременно опирается на весьма архаичные концепции мироустройства. Вряд ли есть основания считать предлагаемый халифат, являющийся

продуктом средневековой мысли и практики и предполагающий исключительно исламское (суннитское), т.е. эксклюзивное объединение, интеграционным проектом, как это делают некоторые аналитики в арабском мире. В предлагаемом ИГ виде он не может стать ответом на вызовы современности и моделью для будущего, но чем проще и незатейливее философия объясняет устройство мира, тем больше у нее последователей, агрессивно отвергающих всякие сомнения и варианты. И самое страшное, что в этом ИГ, возможно, наиболее одиозно, но далеко не одиноко.

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2014 г.

Андрей Суздальцев,

заместитель декана Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Украинский кризис

Крупнейшее после завершения холодной войны обострение отношений между Российской Федерацией и странами Запада оказало огромное влияние на государства постсоветского пространства и евразийский интеграционный проект. «Русская весна» насторожила руководства стран с относительно солидными русскими общинами – Казахстана, Узбекистана, Белоруссии. Территориальный распад Украины привел к панике в политических классах стран региона, однако кардинально изменившаяся политическая обстановка 2014 г. одновременно создала для них и «окно возможностей». В частности, вместе с Украиной, на которой сконцентрировалось основное внимание России, ассоциирование с Европой поспешили оформить Грузия и Молдова. Казахстан постарался максимально дистанцироваться от украинского кризиса.

В наиболее сложном положении оказались власти Белоруссии, чья политическая самостоятельность на внешней арене формально ограничена участием республики в Союзном государстве Белоруссии и России, Евразийском экономическом союзе, ОДКБ и одновременно в европейской программе «Восточное партнерство». Существующая экономическая зависимость Белоруссии от поставок энергоносителей, кредитов и российского рынка стимулировала не стремление к интеграции с Москвой, а попытки отмежеваться от России, уклониться от выполнения союзнического долга, чтобы не попасть «под руку» Западу.

В 2013–2014 гг. стал очевидным кризис постсоветской государственности, совмещенный с распадом национальных экономических моделей, созданных в 1990-е годы. Наиболее ярким примером этого кризиса стала Украина, отказавшаяся в 2013 г. вступить в Евразийский экономический союз и оформившая в 2014 г. свое участие в Ассоциации с ЕС.

С первых дней кризиса официальный Минск оказался на распутье. С одной стороны, сохранив союзническую риторику, А. Лукашенко поддержал Россию, а с другой – выступил на стороне Украины. В частности, оценивая итоги крымского референдума, А. Лукашенко заявил: «Тогда, в 94-м г., когда мы согласились на вывод ядерного оружия, США нам гарантировали так называемый “ядерный зонтик” – что мы сохраним свою независимость и территориальные границы, в том числе и Украине. Поэтому недопустимо, чтобы эти гарантии были нарушены, и какое-то государство отнимало часть территории у другого государства. Это неправильно»¹. Но тут же поправил себя, что Россия в кризисе не виновата².

Стоит напомнить, что белорусское руководство до настоящего времени не признало вхождение Крыма в состав РФ.

¹ «Присоединение Крыма к России – это неправильно, но Украина сама виновата» // URL: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/prisoedinenie-kryma-k-rossii-eto-nepravilno-no-ukraina-sama-vinovata-lukashenko-561509.html> (04.12.14).

² Там же.

Официальный Минск практически сразу после переворота 22 февраля признал временное правительство А. Турчинова – А. Яценюка и организовал встречу с временным президентом Украины на юге Белоруссии (29 марта 2014 г.). Белорусское руководство осталось равнодушным к ликвидации закона о языках, единственной реакцией официального Минска на трагедию в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 г. оказалась телеграмма с соболезнованиями на имя А. Турчинова.

Белорусский президент оказался в составе иностранных гостей из стран НАТО на инаугурации П. Порошенко, где А. Лукашенко призвал расправиться с ополченцами Донбасса: «Здесь вариантов быть не может. Их всех нужно ликвидировать. Но сделать это нужно с холодной головой, чтобы не пострадали мирные люди»¹, т.е. фактически поддержал Антитеррористическую операцию (АТО) украинской армии. Позднее Минск начнет снабжать украинские части, задействованные в АТО, топливом и колесной техникой².

Белорусские правительственные эксперты и аналитики оправдывают позицию своего руководства, выступающего в роли политического партнера Киева, наличием большого товарооборота РБ с Украиной (по итогам 2013 г. – 6 млрд долл.). Неоднократно и на разных уровнях заявлялось, что Минск **боится потерять** в лице Киева важного торгового партнера.

В конце июля 2014 г. Минск вместе с Астаной не поддержали попытки Москвы сформировать единую позицию в рамках ЕАЭС в отношении доступа украинских товаров на его рынок. Более того, в то же время украинский продовольственный экспорт потек на российский рынок через территорию Белоруссии, но уже с белорусскими документами.

А. Лукашенко использовал миротворческую риторику для оправдания своей позиции в отношении украинского кризиса, но с каждым месяцем маскировать отход Белоруссии от России было все сложнее. Со временем белорусское руководство смогло извлечь геополитические выгоды из сохранения союзнических отношений с Россией и развития контактов с новым украинским государством, которое возглавил П. Порошенко. Опираясь на подобную внешнюю политику, стороны, в той или иной степени причастные к конфликту, смогли открыть в Минске серию консультаций, которые в начале сентября 2014 г. закончились подписанием протокола о перемирии на юго-востоке Украины.

26 августа 2014 г. в Минске состоялся первый саммит ЕС – Украина – Россия по вопросам урегулирования конфликта на Украине. Необходимо отметить, что и к минским консультациям и к саммиту 26 августа белорусская сторона имела только

косвенное отношение, предоставив переговорную «площадку», но использовала данные международные события для прорыва международной изоляции. В частности, в начале октября 2014 г. А. Лукашенко неожиданно и без согласования с Москвой предложил направить в зону конфликта белорусские войска («Если нужно – а это для меня очень опасная и страшная вещь – коль есть недоверие России к Западу и Западу к России, Америки к России и России к Америке, и есть недоверие воюющих сторон, то я готов был бы использовать и свои вооруженные силы для того, чтобы развести конфликтующие стороны»)³.

В октябре 2014 г. А. Лукашенко посвятил свою очередную пресс-конференцию для российских региональных журналистов сокрушительной критике внутренней политики президента России В. Путина: «И скажу вам откровенно: **причина одна – в вашей безалаберности и бесконтрольности**»⁴. Попутно критикуя российскую власть, белорусский президент обратился к оценкам социально-экономической ситуации в Калининграде, Смоленске, Брянске и Пскове, заявив, что Калининградская область – «зона ответственности Беларуси». Считая, что Москва не занимается развитием регионов, он напомнил Кремлю, что часть этих регионов когда-то входила в состав Белоруссии⁵.

Евразийская интеграция

Наибольшие проблемы у Москвы с Минском возникли в сфере евразийской интеграции. Украинский кризис, а также возвращение Крыма в состав России, нанесли огромный ущерб интеграционным процессам на постсоветском пространстве, что негативно сказалось на подготовке к подписанию договора о Евразийском экономическом союзе.

– В 2013 г. на октябрьском и декабрьском Евразийских экономических советах Белоруссия и Казахстан потребовали ограничить экономическую экспансию России на свои рынки в рамках ЕЭП.

– Казахстан выступил против развертывания на базе ЕАЭС Валютного союза. Как оказалось, Минск и Астана пока не готовы и к расширению политической интеграции.

– Белорусское руководство в ходе подготовки договора о ЕАЭС потребовало создания единого рынка российской и казахстанской нефти без «изъятий» – фактически особых привилегированных

³ Лукашенко готов послать миротворческие войска на Украину // URL: <http://ru.euronews.com/2014/10/02/lukashenko-claims-was-ready-to-send-ukrainian-peacekeeping-force-but-was/> (05.12.14).

⁴ Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации // URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/ (05.12.14).

⁵ Там же.

¹ Козлик И. Лукашенко на инаугурации Порошенко: «Сначала разберитесь, кто террорист. А то поубиваете своих» // URL: <http://www.kp.by/daily/26241.5/3122476/> (06.12.14).

² Лукашенко снабжает «Национальную гвардию» // URL: <http://www.rusimperia.info/news/id20365.html> (05.12.14).

условий допуска к российской нефти и права на свободный беспощинный вывоз нефтепродуктов с территории Таможенного союза. Кроме того, белорусское руководство добилось от Москвы выделения срочного кредита в 2 млрд долл. для стабилизации ускоряющегося сокращения золотовалютных ресурсов Белоруссии, которое угрожало девальвацией белорусского рубля¹.

Осенью 2014 г., предвидя сокращение финансовых дотаций со стороны России из-за проводимого в российском топливно-энергетическом комплексе «налогового маневра», белорусская сторона прибегла к давлению на российское руководство и в итоге получила от Москвы согласие на оставление в белорусском бюджете экспортной пошлины на вывоз российской нефти. Фактически был возрожден белорусский нефтяной офшор, который полноценно заработает с 1 января 2015 г.

В итоге, партнеры по ЕАЭС и, прежде всего, Белоруссия, использовали украинский кризис для давления на Кремль, требуя от России увеличения дотационной поддержки.

С вводом в начале августа 2014 г. Россией продовольственных антисанкций в отношении стран Евросоюза и Северной Америки, отношения между Минском и Москвой пострадали еще больше. В начале августа после нескольких звонков В. Путина, который настоятельно просил белорусского президента **не торпедировать продовольственные санкции РФ** против стран Запада, А. Лукашенко публично заявил: «Разговаривая с президентом России, мы вели речь о защите, как он сказал, российского рынка. То есть мы должны исполнить свои обязательства по защите союзного рынка в части транзита грузов с Запада через Белоруссию на российскую территорию. Если Россия закрыла свой рынок для определенных товаров, **то мы эти товары транзитом через Белоруссию в Россию пропускать не должны**»².

Однако Минск не выполнил данное белорусским президентом обещание. Необходимо признать, что соглашения, составившие основу Таможенного союза и Единого экономического пространства, оказались неприменимы к чрезвычайной ситуации, сложившейся в отношениях между лидером проекта и странами Запада. При создании Таможенного союза Россия фактически потеряла контроль над своими таможенными границами. В реальности, компетентные российские органы не могут сказать, кто и что везет на наш рынок, что крайне негативно сказывается на российском малом и среднем бизнесе, и на полноте бюджета РФ.

В рамках осуществления продовольственных антисанкций российское руководство договорилось с

белорусской стороной о том, что Минск имеет право завозить продовольственное сырье из стран Евросоюза, перерабатывать и поставлять готовую продукцию на российский рынок. Воспользовавшись возникшим «окном возможностей» на границе Таможенного союза, белорусская сторона резко увеличила импорт продовольственного сырья низкого качества, что было мгновенно замечено российскими санитарными службами. Кроме того, официальный Минск развернул целую логистическую цепочку по отправке на российский рынок товаров, не подлежащих переработке. Появились белорусские мандарины и апельсины, киви, хурма и т.д. Товар формально направлялся в Казахстан, но фуры разгружались на территории России. Контролировать эти транспортные средства российская сторона, согласно соглашениям в рамках евразийского интеграционного проекта, не имеет право. В итоге, в каждом килограмме фруктов из ЕС на российском прилавке оказался так называемый «белорусский налог» на получение белорусских документов – от 50 до 80 руб., который выплачивают граждане РФ в карман белорусских олигархов.

Ежедневно российскую границу с белорусской стороны пересекают от 100 до 150 фур (экспертная оценка). К концу 2014 г., если российский мораторий на поставку белорусской мясомолочной продукции и на «казахстанский» транзит будет снят, доход белорусской стороны от срыва российских продовольственных антисанкций составит до 400–500 млн долл. (август – декабрь 2014 г.)³.

Изменение геополитического статуса

Зимний киевский Майдан 2013–2014 гг., свержение правительства В. Януковича, возвращение Крыма в состав России, резкое обострение взаимоотношений между Россией и Западом, массированное санкционное давление США и Евросоюза на Россию произвело глубокое впечатление на белорусское руководство. В какой-то момент власти республики почувствовали себя без надежного политического прикрытия.

Все эти геополитические изменения в регионе на самом деле не угрожали непосредственно суверенитету Белоруссии, но могли разрушить монополию на власть правящей в республике политической группы. Вопрос удержания власти в руках А. Лукашенко в преддверии президентской кампании 2015 г. (глава белорусского государства идет на пятый президентский срок) стал основной задачей руководства страны.

Белорусский президент в марте 2014 г. ощутил себя между молотом и наковальней. С одной стороны, он опасался применения против него Западом сценария киевского Майдана. А. Лукашенко учитывал, что в реальности его власть держится на

¹ Нацбанк Беларуси предупреждает об угрозе новой девальвации // URL: <http://govorim.by/novosti-belarusi/29042-nacbank-belarusi-preduprezhdaet-ob-ugroze-novoy-devalvacii.html> (05.01.14).

² Лукашенко обещал не допустить реэкспорт попавших под санкции товаров в Россию // URL: <http://vz.ru/news/2014/8/11/699841.html> (05.12.14).

³ «Мы не можем даже представить объем контрабанды через РБ» // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1463513/> (04/12/14).

преданности небольшого, но хорошо подготовленного силового подразделения, которое вполне может быть рассеяно натренированными боевиками (обученными для использования против сил правопорядка). Исходя из этих соображений, была поставлена задача – продемонстрировать Западу, что белорусское руководство вполне лояльно Евросоюзу, США и НАТО, его услуги по ущемлению интересов России со стороны Минска могут быть востребованы Западом.

В то же время, в 2014 г. кризис доверия между Москвой и Минском, который легко обнаруживался в периодических эмоциональных публичных выступлениях А. Лукашенко, достиг пика. На белорусского президента большое впечатление произвел неумолимый и бескровный процесс выдворения украинских властей и воинских частей украинской армии с Крымского полуострова, что позволило ему примерить данный сценарий и на Белоруссию.

Кроме того, огромная зависимость Белоруссии от России практически во всех областях, начиная от стратегического импорта и заканчивая военнотехническим сотрудничеством, всегда очень тяготила А. Лукашенко, который как классический авторитарный деятель крайне болезненно относится к ограничению своего властного потенциала.

В итоге в сознании белорусского политического класса за два десятилетия правления А. Лукашенко постепенно произошла серьезная эволюция роли и места белорусского президента в современной политической реальности: из лидера, пришедшего на волне неприятия итогов распада СССР и националистической реакции и сделавшего ставку на интеграцию с Россией, А. Лукашенко стал олицетворять задачу сохранения суверенитета и независимости Республики. Осознание огромной зависимости от России стало конвертироваться в угрозу существованию белорусского государства.

Осталась проблема замены зависимости от России зависимостью уже России от нового статуса Беларуси. В решении данной задачи, как посчитало белорусское руководство, у него появилось невиданное со времен окончания холодной войны «окно возможностей».

«Окно возможностей»

В основе оценок белорусским руководством противостояния между Россией и Западом лежит характерное для политических классов стран ЦВЕ не критичное восприятие современной мощи основных стран Евросоюза (прежде всего Германии) и США.

Белорусские власти не сомневаются, что в итоге консолидированного давления со стороны Запада Россия обязательно пойдет на существенные уступки в территориальном, военнотехническом и экономическом плане. Данный максималистский сценарий вовсе не страшит белорусское руководство, которое считает, что даже если Россия сумеет

формально выстоять под экономическими санкциями и политическим давлением Запада, то федерация окажется существенно ослабленной, в ней сменится власть и она попадет под влияние США и Китая, что обеспечит совершенно новую роль для Минска, который станет крайне необходимым для России «окном» на Запад.

Речь идет о новой роли Белоруссии как своеобразного «шлюза» между Западом и изолированной Россией. В этом случае Минск оказывается политическим и экономическим посредником, активно используя все выгоды своего нового геополитического положения. При этом победа Москвы в противостоянии с Западом в Минске даже не рассматривается, так как она означала бы окончательную потерю А. Лукашенко доверия со стороны Москвы.

Новая политика белорусского руководства в условиях геополитического кризиса в тактическом плане должна была обеспечить снятие западных санкций против администрации А. Лукашенко, что на фоне усиления санкций против России способствовало бы дистанцированию Белоруссии от России. В свою очередь, укрепление западного вектора белорусской внешней политики в условиях усиления противостояния Запада и России должно было создать исключительно выгодные условия для экономического шантажа России, которая сейчас не сможет пойти на угрозу международного скандала с пусть формальным, но все-таки союзником, не говоря уже о российско-белорусском кризисе, способном подорвать евразийский интеграционный проект.

В стратегическом плане белорусским руководством была поставлена задача добиться признания Западом запрограммированных итогов президентских выборов 2015 г., что может обеспечить А. Лукашенко не только сохранение власти в своих руках на десятилетие, передачу республики в руки своих наследников, но и долгожданное освобождение от контроля Москвы. Объективно белорусское руководство заинтересовано в изоляции, но не окончательном поражении России, так как в этом случае под угрозой мгновенно окажется сама Белоруссия. Минск торопится, рассчитывая, что Россия начнет уступать Западу в ближайшие месяцы. Исходя из данных надежд, белорусские власти оттянули открытие российской военно-воздушной базы на территории Белоруссии на 2016 г. Однако, несмотря на все попытки замаскировать свои планы, практика взаимоотношений между Минском и Москвой привела к очередному, в данном случае, «контрабандному» кризису.

«Контрабандный» кризис

Несмотря на то, что часть ограничений на экспорт белорусской пищевой продукции уже снята, транзит европейских товаров на территорию России по-прежнему закрыт.

В то же время необходимо отметить следующее:

– в формате соглашений о Таможенном союзе и ЕАЭС Белоруссия имеет право поставлять на российский рынок продукцию, выработанную из импортного сырья, но и Россия имеет право перекрыть поставку на свой рынок товаров низкого качества;

– безусловно, Минск имеет право на свободное перемещение товаров по территории ТС – ЕАЭС, но А. Лукашенко публично давал слово не пропускать европейские товары, подпадающие под санкции России, на российский рынок.

Стоит напомнить, что уже второе десятилетие Белоруссия получает самые дешевые на континенте газ и нефть. Российский рынок полностью открыт для белорусских товаров, почти вся западная российская таможенная граница отдана под контроль белорусов. За последние 15 лет российская финансово-ресурсная поддержка Республики Беларусь перевалила за 70 млрд долл. Учитывая все вышесказанное, Россия могла рассчитывать на поддержку со стороны официального Минска. Но, к сожалению, приходится констатировать, что фактически белорусский президент системно обесценивает и проваливает все контрмеры, которые предпринимает Россия против санкций Запада, прежде всего Евросоюза. В итоге, создавшаяся ситуация позволяет утверждать, что А. Лукашенко реально подключился к санкциям против России.

Введя в августе 2014 г. продовольственные санкции против Запада, российское руководство вы-

разило осторожный оптимизм в плане того, что солидная часть огромного внутреннего продовольственного рынка, практически монополизированного импортерами, освободится для российского фермера и российских сельскохозяйственных холдингов. Однако российский рынок осенью 2014 г. оказался закрыт контрабандной продукцией из европейских стран, поступившей транзитом из Белоруссии.

Деятельность контрабандного терминала, создаваемого с 2010 г. в Белоруссии и достигшего расцвета осенью 2014 г., является открытым саботажем ТС – ЕАЭС. Фактически А. Лукашенко не просто подорвал российские продовольственные санкции, но и дискредитировал руководство РФ. В ходе развернувшейся в белорусских СМИ полемики, белорусский президент угрожал России геополитическим поворотом в том случае, если Москва не позволит Минску и дальше использовать Россию в качестве безусловного спонсора.

В результате «контрабандного кризиса» наблюдается процесс формирования таможенной границы между РФ и РБ, что наносит огромный ущерб перспективам добрососедских отношений между двумя странами. Однако если России и Западу не удастся урегулировать весь комплекс проблем между ними, составной частью которого является украинский кризис, граница между Россией и Белоруссией рискует стать полноценной.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ – НОВЫЙ ПОВОД ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОБОРОНЫ

Александр Ревский,

*эксперт Информационно-аналитического центра
по изучению постсоветского пространства (ИАЦ МГУ)*

Повестка дня Уэльского саммита готовилась давно и была нацелена на адаптацию военного Альянса к новым угрозам, которые странам евро-атлантического пространства принес XXI век. Среди них собирались отдельно выделить борьбу с терроризмом и киберугрозу как основу деятельности Альянса после вывода войск из Афганистана. Разразившийся украинский кризис значительно изменил подход к рассмотрению основных тем, сместив акцент на произошедшие с начала года события в Киеве и ответные действия России. Тем не менее итоговая декларация содержит в себе пункты, которые, без всякого сомнения, станут краеугольным камнем в

последующем процессе противодействия киберугрозам на международном уровне.

Рост значимости киберугрозы в восприятии Североатлантического Альянса хорошо просматривается даже в таком контексте, как упоминание слова «кибер» в официальных документах НАТО. Если в Декларации по итогам саммита в Риге (2006 г.) слово «кибер» встречается 1 раз, в Бухаресте – 5 раз, в Новой концепции НАТО 2010 г. также 5 раз, в декларации Чикагского саммита 2012 г. 10 раз, то в итоговой декларации Уэльского саммита уже 21 раз¹.

¹ http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm

Проблеме кибербезопасности в большей степени посвящены пункты 72 и 73 Декларации. В них констатируется факт продолжающегося роста угрозы кибератак и как следствие подтверждение политики неделимости безопасности членом Альянса. Основной обязанностью НАТО остается защита ее собственных сетей и содействие странам-участницам. Сделана отдельная отсылка на то, что политика НАТО признает подчиненность киберпространства нормам международного права, включая международное гуманитарное право и Устав ООН. НАТО и дальше предполагает активное сотрудничество по вопросам кибербезопасности с соответствующими партнерами на индивидуальной основе и с другими международными организациями, в том числе с ЕС.

Статья 5: История вопроса

Пожалуй, самым значимым пунктом Декларации является пункт относительно применения статьи 5 Североатлантического договора, который ныне позволяет государствам – членам НАТО принимать решение о возможности ее применения в каждом отдельном случае кибернападения на страну – участницу Альянса.

Обсуждение возможности применения положений данной статьи при кибератаке на членом Альянса идет уже более семи лет. Еще в 2007 г. министр обороны Эстонии Яак Аавиксоо после атаки на государственные интернет-сайты страны, которые многие считают одной из первых кибервойн, предложил НАТО рассматривать любую кибератаку против государства с точки зрения положений статьи 5 Вашингтонского договора¹. В середине 2010 г. группа экспертов НАТО во главе с бывшим госсекретарем США М. Олбрайт в своем докладе пришла к заключению, что компьютерная атака против жизненно важных инфраструктур стран – участниц Альянса должна приравниваться к вооруженному нападению, и, тем самым, оправдывает ответный удар военными средствами².

Тем не менее сложность определения настоящего заказчика кибератаки не позволила членам НАТО в ходе Лиссабонского саммита в ноябре 2010 г. признать кибератаку действием, подпадающим под положения пятой статьи (зачастую крайне сложно определить, кто же является истинным «заказчиком» кибератаки, так как зараженные вирусом машины, осуществляющие кибератаку, могут находиться на территории совершенно другого государства).

Чикагский саммит 2012 г. также оставил данный вопрос без какой-либо конкретизации. И только Уэльский саммит однозначно определил возможность подобного ответа Альянса на кибератаку извне. Данный пункт идет в одном ряду с другими

мерами, предпринимаемыми НАТО в области коллективной обороны и призван успокоить страны Восточной Европы, и прежде всего Эстонию, которые в связи с украинским кризисом запросили дополнительные гарантии своей безопасности, в том числе и в противодействии киберугрозам.

Между тем остается не вполне ясным, как именно будет оцениваться угроза нападения или сам факт кибернападения на страну – участницу Альянса. По словам посла США в НАТО, все будет зависеть от степени воздействия кибератаки. Необходимо будет также определить, соответствует ли масштаб атаки уровню вооруженного нападения. Таким образом, формулировка остается достаточно расплывчатой, что, с одной стороны, говорит об отсутствии целостного понимания киберугрозы, а с другой – позволяет интерпретировать каждую ситуацию в соответствии с интересами НАТО. По словам заместителя помощника Генсека НАТО по вопросам новых вызовов безопасности Джейми Шеа, это также сделано для того, чтобы потенциальный агрессор не имел понятия о масштабе кибератаки, после которого будет следовать немедленное возмездие³. Однако некоторые эксперты полагают, что толковать формулировку необходимо не как возможность применения обычных вооружений в качестве возможного ответа на хакерские атаки, а лишь как совместные усилия по киберзащите стран НАТО.

Цифровая Эстония

Отдельное внимание в итоговой декларации саммита уделяется и киберпотенциалу Эстонии, который должен стать отправной базой для создания дополнительных киберполигонов НАТО. С 2008 г. в Таллине действует Центр защиты от кибертерроризма, обладающий статусом Международной военной организации. Главной задачей Центра является проведение исследований, оказание консультационных услуг и подготовка персонала для национальных подразделений стран – участниц Альянса по борьбе с кибертерроризмом. В 2014 г. в работе Центра принимают участие уже 15 государств, 14 из которых являются членами Альянса. В скором времени к ним планируют присоединиться Греция, Турция и Финляндия⁴.

В ходе Уэльского саммита был подписан также отдельный договор о создании в Эстонии Кибернетического тренировочного центра, который будет представлять собой виртуальную среду, позволяющую проводить обучение специалистов, отрабатывать индивидуальные и командные навыки. Он будет создан на базе существующего с 2012 г. киберполигона Сил

¹ <http://www.kommersant.ru/Doc/766063>

² <http://www.securitylab.ru/news/394531.php>

³ <http://www.computerweekly.com/news/2240228071/Nato-to-adopt-new-cyber-defence-policy>

⁴ <https://ccdcoe.org/czech-republic-france-and-united-kingdom-joined-centre.html>

обороны Эстонии, где уже проводился ряд международных учений, в том числе учения центра сотрудничества по киберобороне НАТО Locked Shields и «Cyber Coalition». Последние в 2014 г. проходят уже в седьмой раз¹ и направлены на проверку возможности быстрого обмена информацией о киберинцидентах, а также способности национальных структур действовать сообща для защиты информационных сетей НАТО. В крупнейших международных учениях были задействованы более 600 технических, государственных и киберэкспертов, действующих в десятках мест из стран НАТО и государств-партнеров. Впервые в качестве наблюдателей присутствовали представители научных и промышленных кругов. Стоит ли добавлять, что Россия в очередной раз не была приглашена и не принимала участие в данных учениях, поскольку является одним из основных условных противников?

Источники угрозы: Старые и новые игроки

Киберпреступления уже стали привычной темой ежедневных новостей, а не отдельных спецвыпусков, как было всего несколько лет назад. Количество атак на различные государственные и частные структуры возрастает с каждым годом. США продолжает видеть среди основных виновников данных атак Китай.

В 2013 г. между Китаем и США состоялись переговоры на высоком уровне, в ходе которых стороны обменялись мнениями по проблеме кибербезопасности и пришли к выводу о необходимости более эффективного использования межгосударственной рабочей группы в деле «уменьшения непонимания и повышения доверия»². Параллельно между странами было достигнуто соглашение о том, что деятельность в киберпространстве подпадает под положения международного права, а также права вооруженных конфликтов, с чем ранее не была согласна китайская сторона. Однако глобальных изменений во взаимоотношениях двух стран не произошло. Совсем недавно директор ФБР Джеймс Коми в очередной раз обвинил Пекин в организации массовых взломов корпоративных американских сетей с целью похищения технологических секретов крупнейших фирм США. По его словам, сегодня существуют два типа крупных компаний – «те, кого уже взломали китайцы, и те, которые еще не знают, что их взломали китайцы»³.

Кроме того, ранее в этом году Департамент юстиции США возбудил уголовное дело против пяти китайских военных чиновников, впервые опублико-

вав их имена и фотографии. Как сообщается, все они входят в подразделение Народно-освободительной армии Китая. Их обвинили в проведении кибератак под руководством правительства с целью получения торговых секретов шести крупнейших американских энергетических и металлургических компаний.

Власти США объявили, что вскоре опубликуют подобный же список по хакерам – гражданам России, которая традиционно рассматривается в качестве второй страны – источника кибератак.

Если еще несколько лет назад предполагалось, что глобальные кибератаки могут осуществляться только организованными группами при достаточном финансировании, сегодня аналитики приходят к выводу, что реальная опасность может исходить не от таких крупных государств, как Россия или Китай, но от кибертеррористов-одиночек, которые имеют технические возможности и разрабатывают методы нападения на экономическую инфраструктуру страны. Главным мотивом кибертеррористов в отличие от кибермошенников, основной целью которых является обогащение, становится изменение существующего экономического порядка.

В этой связи крайне интересен доклад агентства по кибербезопасности CyLance⁴, согласно которому одним из основных источников кибератак становится Иран. За последние два года иранские хакеры проникли в системы защиты десятка авиалиний, энергокомпаний и военно-промышленных фирм по всему миру. Госдепартамент США убежден, что всплеск активности иранских хакеров, контролируемых Высшим советом Исламской республики по киберпространству, является своего рода «ответным ударом» на имевшие до этого место кибератаки со стороны стран Запада на компьютерные системы ядерной программы Ирана, в процессе которых использовался совместно разработанный США и Израилем вирус «Stuxnet».

Между тем, согласно исследованию, проведенному британской компанией NCC Group в конце 2012 г., именно США лидировали среди остальных стран по числу исходящих хакерских атак. Доля страны на тот период составляла до 21%⁵, тогда как доля России – около 19%, Китая – 16%. Двойные стандарты, применяемые американцами в сфере реальной безопасности, и тут никто не отменял.

Глобальная переориентация

В глобальном контексте углубляющийся конфликт между Западом и Россией приводит последнюю к переориентации на Восток не только в экономическом плане, но и в плане формирования различных сфер общей безопасности, в том числе и

¹ http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_114902.htm?selectedLocale=en

² https://www.armscontrol.org/act/2013_09/US-China-Meet-on-Cybersecurity

³ <http://www.independent.co.uk/news/business/news/fbis-james-comey-accuses-china-of-hacking-into-every-major-american-company-9777587.html>

⁴ http://www.cylance.com/assets/Cleaver/Cylance_Operation_Cleaver_Report.pdf

⁵ https://www.nccgroup.com/media/163924/origin_of_hacks_q3_2012.pdf

кибербезопасности. По аналогии с подписанным в июне 2013 г. соглашением между Россией и США¹ о взаимодействии в вопросах кибербезопасности, которое установило безопасный канал связи для обсуждения вопросов, связанных с потенциальной киберугрозой, к середине 2015 г. планируется подписать двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере международной информационной безопасности с Китаем².

Сегодня, когда российско-американские отношения остаются крайне натянутыми, многие положения заключенного соглашения не развиваются. Именно поэтому эксперты уже говорят о гораздо более широких перспективах российско-китайского соглашения в сравнении с российско-американским, тем более что Россия уже давно сотрудничает с Китаем в области кибербезопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества. К тому же, обе страны имеют схожие взгляды на вопросы, связанные с интернационализацией управления Интернетом (в настоящий момент распределение доменных имен находится в руках базирующейся в США НКО ICANN, что позволяет ей принимать ключевые решения по управлению Интернетом) с одновременным расширением возможностей правительств влиять на ситуацию в национальных сегментах Сети³.

Квантовые сети – кибербезопасность будущего?

Подобное сотрудничество может оказаться особенно выгодным для России, если Китай согласится

сотрудничать в сфере создания глобальной квантовой коммуникационной сети, которую Пекин планирует создать к 2030 г. При этом уже в 2020 г. Китай будет принимать участие в азиатско-европейском распределении квантовых ключей. Данный сверхзащищенный вид связи будет организован с помощью спутников и использует в процессе передачи фотоны, которые реагируют на любую попытку перехвата информации и позволяют блокировать любую атаку киберпреступников⁴. Подобная сеть потенциально сможет полностью изменить мир информационных сетей и тем самым переключить складывающиеся системы кибербезопасности.

Между тем, как предупреждают некоторые эксперты, мировое сообщество может просто не успеть выработать действенные механизмы правового регулирования в области обеспечения международной информационной безопасности до того момента, когда какое-либо государство в ответ на кибератаку, самовольно определит из личных геополитических соображений источник атаки, после чего применит обычные вооружения, объявив это актом самообороны. В условиях новой расплывчатой трактовки возможного применения НАТО Статьи 5 Вашингтонского договора на фоне общего ухудшения международного климата подобное развитие событий приобретает вполне реальные черты. Поэтому достигнутые договоренности России с Китаем, по мнению самих участников переговорного процесса, могут стать важным шагом на пути к выработке новых механизмов сдержек и противовесов.

¹ <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/17/joint-statement-on-a-new-field-of-cooperation-in-confidence-building>

² <http://www.kommersant.ru/doc/2608311>

³ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/68F3C593FD4E4C6044257D730052B64C

⁴ http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/02/c_127169705.htm

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Центром по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и необязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова